

КРИЗИС ИНСТИТУТА БРАКА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: РЕАЛЬНОСТЬ ИЛИ ВЫМЫСЕЛ?*

Г.В. Антонов,
Е.Г. Лактюхина

В статье представлены отдельные результаты исследования новейших тенденций в сфере брака и семьи в современной России. К таким тенденциям относятся: распространение практики нерегистрируемых сожительства, повышение возраста вступления в первый брак, увеличение доли ранних разводов, общая нестабильность брака в молодых семьях. Перечисленные тенденции демонстрирует самая молодая из когорт активного брачного возраста в нашей стране - 25-30-летние, или поколение последнего советского «бэби-бума».

В этой связи возникает вопрос о том, выступают ли указанные тенденции признаком разрушения института традиционного брака в России или они являются поверхностными, временными и свидетельствуют только об ослаблении функции социального контроля в сфере брака и семьи со стороны других институтов общества. Для ответа на поставленный вопрос необходимо было на примере нескольких поколений изучить: во-первых, внешние проявления функционирования института брака на уровне общества; во-вторых, социальные нормы и наиболее распространенные, типичные практики в сфере брака и семьи; в-третьих, глубинные мотивы конкретных форм брачного поведения.

В качестве методов получения научной информации в первом случае был использован анализ данных официальной статистики (прежде всего, показателей брачности и разводимости); во втором - массовый анкетный опрос по репрезентативной выборке; в третьем - глубинные интервью. В результате был получен однозначный вывод о том, что институт брака в нашей стране за последние 50 лет не претерпел принципиальных изменений. Так, для всех демографически активных поколений в течение указанного периода базовой и одной из наиболее значимых ценностей является пожизненный брак с одним или несколькими детьми. Вместе с тем большинство фиксируемых негативных явлений в данной сфере вызвано внешними социальными факторами, которые должны быть предметом самостоятельного углубленного исследования.

Ключевые слова: институт брака, брачно-семейные установки, брачно-семейное поведение, брачность и разводимость, прикладная социология.

JEL: J12, J13.

В современной России молодые супружеские пары (как зарегистрированные, так и незарегистрированные юридически) являются наименее стабильными по сравнению с любыми другими, принадлежащими к более старшим поколениям. Они также обладают некоторыми уникальными характеристиками, а именно: более позднее вступление в брак, увеличение внебрачной рождаемости, предварение брака или его полная замена сожительством, причем все это приобретает массовый характер [10, 27]. Разводы среди молодых пар также характеризуются рядом специфических черт: во-первых, сокращается общая продолжительность браков, а во-вторых, преодолен разрыв, существовавший на протяжении десятилетий, между удовлетворенностью

браком и его стабильностью [18, с. 73]. Браки предыдущих поколений могут демонстрировать высокую стабильность и при низкой удовлетворенности супругов брачными отношениями, то есть устойчивость брака ранее однозначно не зависела от удовлетворенности им. Наличие ребенка перестает быть необходимостью, кроме того, дети уже не являются непременным условием юридического оформления или продолжения брачных отношений [8, 12, 25, 26].

Подобные тенденции существенно более выражены в западных обществах, кроме того, в Западной Европе и США они стали проявляться как минимум на несколько десятилетий раньше по сравнению с нашей страной. В этой связи возникает вопрос: не идет ли Россия по

Антонов Георгий Вячеславович (antonovgv@mail.ru) - канд. социол. наук, доцент, кафедра социологии Волгоградского государственного университета.

Лактюхина Елена Геннадьевна (Laktuchina@mail.ru) - канд. социол. наук, доцент, кафедра социологии Волгоградского государственного университета.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ и Администрации Волгоградской области в рамках проекта проведения научных исследований 14-13-34002 а(р) «Новейшие тенденции в развитии института брака в современной России».

тому же пути и не приведет ли это, как и в большинстве западных стран, к ситуации, когда всевозможные «альтернативные» формы брака, включая гомосексуальные союзы, становятся одинаково социально одобряемыми? На Западе в брачно-семейной сфере достаточно давно уже доминирует принцип: главное - эмоциональное удовлетворение и психологический комфорт в браке (понимаемом чрезвычайно широко), а все остальное, включая деструктивные последствия для общества, не важно [6, с. 39-42; 19].

При этом в современной отечественной социологии брака и семьи, несмотря на большое число как теоретических концепций, так и эмпирических, прикладных исследований, в том числе в области трансформации института брака и брачного поведения, пока остается открытым вопрос об интерпретации перечисленных выше изменений брачного поведения: являются ли новые брачные практики очередным «веянием» моды, сформированным в первую очередь СМИ под влиянием западной массовой культуры, или же это - тенденция деинституционализации традиционного брака, выступающая логичным продолжением разрыва «брачности-сексуальности-репродуктивности» в ее единстве и однозначной последовательности [3, 5]. В первом случае при грамотной семейной/демографической политике ситуация может достаточно быстро измениться в лучшую сторону, тогда как во втором - брак становится «пустой формой», а вступление в него - лишь поводом устроить дорогое и шумное мероприятие, потому что это - не начало сексуальных отношений, не начало совместного быта, не начало рождения детей и не начало вообще чего бы то ни было значимого в жизни молодых людей.

Следует отметить, что в отечественной науке перечисленные новые практики брачного поведения в их взаимосвязи практически не исследовались, а изучались отдельно сожителство (причины, последствия, отношение к нему), отдельно разводы (также достаточно разрозненно, не системно; почти не изучены, например, послеразводные отношения между супругами), отдельно - проблемы социализации детей в неполных семьях, но особенно мало научных публикаций, посвященных полному добровольному отказу от деторождения (и это на фоне огромного количества исследований явления «childfree» на Западе, результаты которых, правда, имеют

крайне ограниченное применение при их переносе в условия отечественной культуры вообще, и систему норм брачно-семейного поведения в частности) [2, 4, 8, 12, 13, 16]. Нет пока и ответа на вопрос, институционализировалась ли уже такая практика, как сожителство, то есть имеет ли она свои нормы, правила, четкое представление о ролях и т. п., или же является всего лишь следствием ослабления функции социального контроля института традиционного брака. То есть в отдельных социологических исследованиях и данных официальной статистики фиксируются новые тенденции в сфере брака и семьи в нашей стране, но нет целостного научного объяснения, что на самом деле они означают.

Под молодыми супружескими парами мы в данном случае понимаем 25-30-летних, поскольку это самое молодое поколение из активно реализующих в настоящее время свои брачно-семейные установки. Более младшие представители молодежи вплоть до 18-летних, формально хотя и могут вступать в брак, но пик брачности, и тем более разводимости, приходится на более старшие возрасты. Кроме того, поколение 25-30-летних обладает рядом специфических черт, а именно: они рождены в середине и конце 80-х годов прошлого столетия (так называемый последний советский «бэби-бум»), то есть более многочисленны по сравнению с соседними поколениями (рубежа 70-80-х и начала - середины 90-х годов) и в силу этого обстоятельства, а также особенностей социализации (большинство из них воспитывалось в двух- или даже трехдетных семьях) обладают высоким репродуктивным потенциалом [17]. Но этот потенциал может быть реализован далеко не полностью, поскольку трудно себе представить массовое рождение 2-3 детей в незарегистрированных партнерских отношениях или даже в официальном браке, который не рассматривается обеими сторонами как пожизненный или хотя бы длительный, многолетний союз, разрушить который могут только какие-то чрезвычайные жизненные обстоятельства.

Поэтому в современной России особенно важна точная оценка современного состояния института брака и среднесрочных перспектив его развития, в том числе выявление глубины проникновения деструктивных норм и образцов брачно-семейного поведения в систему ценностей современной российской молодежи, в механизмы социализации детей и подростков, а

также оценка вероятности воспроизведения этих норм и образцов последующими поколениями. Это позволит существенно более эффективно планировать мероприятия государственной семейной и демографической политики, поскольку сегодня они (и без того недостаточно эффективные) направлены не на стабилизацию брачных отношений, а только на повышение рождаемости, хотя прежде чем добиваться увеличения числа рождений, необходимо сформировать у молодых людей серьезное и ответственное отношение к собственному браку.

Общая характеристика объекта и методов исследования

Для получения ответов на все эти вопросы авторами настоящей статьи в течение 2014-2015 гг. проводится исследование, направленное на выяснение того, свидетельствуют ли перечисленные выше негативные тенденции в сфере брака и семьи о разрушении в современной России института традиционного брака и всей системы брачно-семейных ценностей, существовавшей столетиями, или же эти явления можно трактовать как-то иначе. В рамках указанного исследования, во-первых, был проведен анализ статистических данных по основным социально-демографическим показателям, имеющим отношение к процессам брачности и разводимости как на территории Волгоградской области, так и в целом по России за последние 50-60 лет. Это позволило понять динамику внешних, объективных проявлений функционирования института брака в нашей стране и регионе на протяжении нескольких поколений.

Во-вторых, на территории г. Волгограда и Волгоградской области был проведен репрезентативный социологический опрос категорий населения, относящихся к разным поколениям, на предмет выявления у них специфических особенностей брачно-семейных установок, типичных образцов и норм брачного поведения. Таких категорий населения было выделено четыре: упомянутое уже поколение 25-30-летних; поколение 18-23-летних (рожденные в начале и середине 90-х годов прошлого века, то есть в период самой низкой рождаемости в новой России), которым предстоит активно реализовывать свои брачно-семейные установки в ближайшее десятилетие; поколение 35-45-летних (рожденные в 70-х годах

прошлого века); поколение 50-60-летних (рожденные в 50-60-х годах XX века), практически закончившее уже реализовывать свои брачно-семейные установки и статистически выступающее поколением родителей по отношению к когорте 25-30-летних. Конкретный метод сбора информации: поквартирный опрос в г. Волгограде и выборочно в нескольких населенных пунктах Волгоградской области (тип выборки - случайная многоступенчатая; общий объем - 1728 человек; предельная ошибка выборки не превышает 5% для каждого поколения). Наконец, в-третьих, проведена серия глубинных интервью с представителями поколений 18-23- и 25-30-летних (по 15 человек каждого поколения). Круг информантов составили и мужчины, и женщины, проживающие совместно со своим брачным партнером без официальной регистрации отношений.

Основные результаты исследования

Анализ данных официальной статистики. Анализ данных официальной статистики показал, что современный режим функционирования института брака в нашей стране устанавливался не постепенно, а практически одномоментно - с середины-конца 60-х годов прошлого века. Например, численное значение общего коэффициента разводимости (количество разводов на 1000 населения) на территории современной России (без Крыма и г. Севастополя) в 1965 г. составляло 1,8‰ (а в предыдущие годы еще меньше), тогда как в 1966 г. - уже 3,2‰ [14, с. 119, 15, с. 112-122]. Произошло это во многом потому, что в декабре 1965 г. Указом Президиума Верховного Совета СССР были отменены существовавшие до этого очень сложный порядок расторжения брака через суд, большой штраф за развод, а также полный запрет на установление внебрачного отцовства. Следовательно, начиная с 1966 г. статистические данные фиксируют реализацию брачных установок населения как бы в чистом виде, в условиях, когда отсутствуют серьезные внешние препятствия для расторжения брака.

Вообще, середина и конец 60-х годов XX столетия - это во многом переломный период для функционирования институтов семьи и брака в нашей стране, поскольку в активный брачный и репродуктивный возраст начали вступать многочисленные послевоенные поколения с более современными брачно-семейными и репродук-

тивными установками по сравнению с поколениями предвоенными, у которых аналогичные установки были во многом еще происхождением из традиционного общества. Не только общие коэффициенты брачности и разводимости, но и целый ряд других демографических показателей (в том числе не рассматриваемой в настоящей статье рождаемости) демонстрируют современные или качественно однородные с ними значения именно со второй половины 60-х годов прошлого века [15, с. 51-150]. Не вдаваясь в подробный анализ причин таких изменений, отметим, что для понимания текущих тенденций развития института брака в нашей стране отрезка в 50 лет (с 1966 г. до настоящего времени) вполне достаточно, тем более что как уже было сказано, современный уровень брачности и разводимости наблюдается именно в течение указанного периода.

На рис. 1 представлены изменения численных значений общих коэффициентов брачности и разводимости за последние 50 лет.

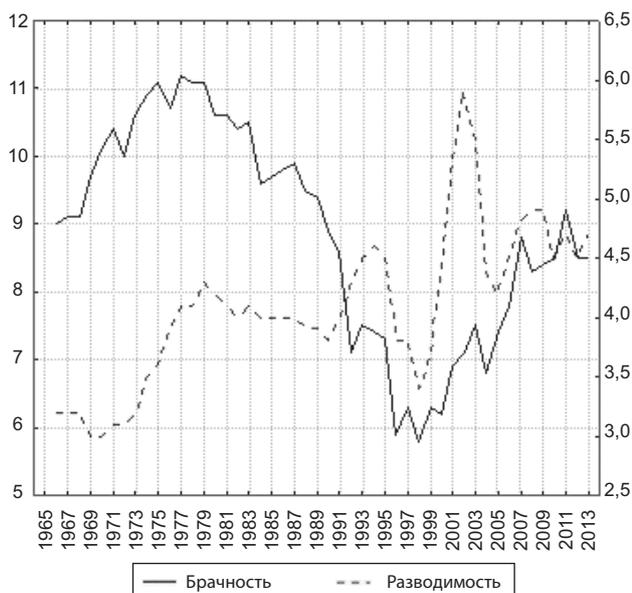

Рис. 1. Динамика значений общих коэффициентов брачности (левая ось) и разводимости (правая ось) в России за период 1966-2014 гг. (в промилле)

На рис. 1 слева расположена шкала значений общего коэффициента брачности (в промилле) на территории современной России (без Крыма и г. Севастополя) за указанные внизу годы, а справа - шкала значений общего коэффициента разводимости (также в промилле). Масштаб шкал на графике совмещен намеренно, для более удобного визуального восприятия динамики значений обоих коэффициентов относительно друг друга.

Хорошо видно, что во-первых, при таком способе отображения соответствующих показателей кривые брачности и разводимости в 1992 г. пересекаются, образуя так называемый «русский крест», аналогичный тому, что в этом же году образуют кривые рождаемости и смертности. Разумеется, в отличие от последних, кривые брачности и разводимости не пересекаются реально (как если бы масштабы шкал не были совмещены), но очевидно, что после 1992 г. обе кривые демонстрируют направленность, резко отличную от таковой до указанного года. Во-вторых, пики спадов и подъемов уровня разводимости в целом повторяют аналогичные пики уровня брачности с опозданием примерно на три года. Отмеченный срок (3 года) - не что иное, как первая «зона риска» для заключаемых браков, то есть именно на этот стаж в браке приходится первый максимум разводов (второй - примерно на 10 лет нахождения в браке, а дальше уже разводятся гораздо реже).

Это означает, что пиковые значения активности на брачном рынке (как минимумы, так и максимумы) демонстрируют одни и те же и притом вполне конкретные поколения, годы рождения которых легко выяснить, хотя бы приблизительно представляя себе наиболее типичные возрасты вступления в первый брак. Выяснив их, можно достаточно просто установить и то, какими специфическими особенностями характеризуются эти поколения, для более полного понимания тенденций развития института брака в нашей стране за рассматриваемый период. На рис. 1 хорошо заметно, что первый пик подъема «брачно-разводной» активности приходится на вторую половину 70-х годов прошлого века, а так как наиболее типичные возрасты вступления в первый брак и для мужчин, и для женщин составляли примерно 21-25 лет, то годы рождения этого поколения - ориентировочно 1950-1958-й. Это одно из так называемых «послевоенных» поколений, характеризующихся прежде всего своей многочисленностью. Следовательно, в 70-е годы XX века в нашей стране всего лишь сложилась удачная с точки зрения брачности возрастная структура, когда молодых пар активного брачного возраста стало заметно больше по сравнению с их среднестатистической долей в структуре населения (а известно, что общие демографические коэффициенты сильно зависят от распределения жителей изучаемой территории по полу и возрасту).

Пик спада брачной активности в нашей стране (что тоже очень хорошо видно на рис. 1) - это приблизительно середина и конец 90-х годов прошлого века. Здесь уже на брачном рынке представлено в основном поколение 70-х годов (методика определения годов рождения та же самая). Здесь также сыграли роль структурные факторы. Само поколение 70-х никакими очевидными специфическими особенностями не характеризуется, но в конце 90-х годов прошлого века в пенсионные возрасты вступило многочисленное «предвоенное» поколение, что вызвало искажение в структуре населения в сторону старших возрастов, то есть в противоположность предыдущему периоду, в возрастной структуре стали преобладать не молодые и активные на брачном рынке возрасты а старшие, среди которых вступление в брак или его расторжение - скорее, исключение. Поэтому численные значения общих коэффициентов брачности и разводимости снизились.

Наконец, второй пик совместного подъема показателей брачности и разводимости - это рубеж первого и второго десятилетий XXI века (что также следует из графиков на рис. 1), то есть практически настоящее время (к обособленному всплеску разводимости в 2002 г. мы вернемся чуть позже). Эти показатели брачности и разводимости как раз и демонстрируют упомянутые уже ранее нынешние 25-30-летние, то есть поколение, рожденное в 80-е годы прошлого века, - последний советский «бэби-бум». Как и поколение 1950-х годов, оно характеризуется многочисленностью, поэтому и причины подъема брачной активности в 2009-2013 гг. в принципе те же, что и в 1975-1979 гг. Сам временный подъем рождаемости в 1980-1987 гг. в СССР был вызван как все теми же структурными факторами (сложилась благоприятная возрастная структура - было много молодых мам), так и отчасти мерами демографической политики тех лет (из-за них рождения несколько сдвинулись на более ранние сроки) [7, 9]. Поскольку доля лиц активного брачного возраста в общей структуре населения на рубеже первого и второго десятилетий нашего века повысилась, то закономерно поднялись и значения общих коэффициентов брачности и разводимости.

Отдельно следует рассмотреть и динамику общего коэффициента разводимости, поскольку, во-первых, он является важнейшим статистическим показателем состояния института брака любого общества, а во-вторых, как следует из

графика на рис. 1, динамика его численных значений в нашей стране за последние 50 лет достаточно неоднозначная и, на первый взгляд, имеет тенденцию к их повышению, тем более что имеется упомянутый уже всплеск разводимости в 2001-2003 гг. На рис. 2 представлены изменения численных значений общего коэффициента разводимости за рассматриваемый период.

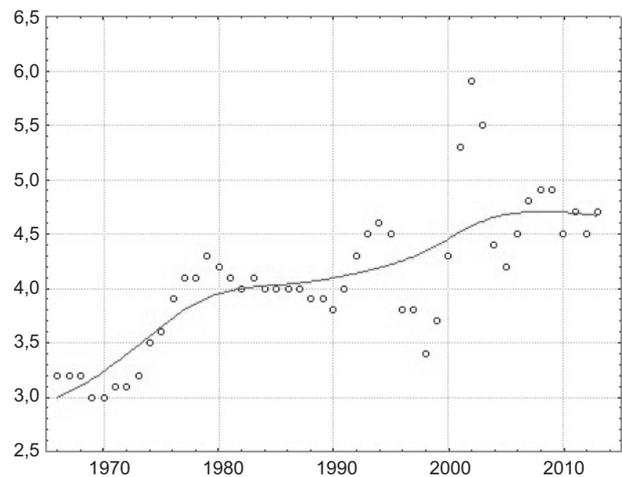

Рис. 2. Динамика значений общего коэффициента разводимости в России за период 1966-2014 гг. (в промилле)

На рис. 2 плавная кривая, показывающая тенденцию изменения значений общего коэффициента разводимости, построена методом наименьших взвешенных квадратов, то есть средняя квадратическая взвешенная расстояний от наблюдаемых значений до кривой, вычисленная по оси ординат, является наименьшей из всех возможных. На графике хорошо видно, что данная кривая демонстрирует постепенное замедление роста разводимости в течение рассматриваемого периода вплоть до его полной остановки на отрезке приблизительно с 2002 г. до наших дней. При таком способе отображения динамики изучаемого показателя уже не столь важны причины кратковременных спадов или подъёмов разводимости (как в 1998 и 2002 гг. соответственно), поскольку на генеральный тренд они влияют слабо, взаимно погашая друг друга. Гораздо важнее другое: с учетом известных наиболее типичных возрастов вступления в первый брак и его расторжения в период с 2002 по 2013 г. разводились мужчины от 1972-го до 1983-го года рождения, а женщины - от 1977-го до 1988-го года рождения. Это значит, что примерно половина разведенных в указанные годы - это поколение последнего советского

«бэби-бума» и именно его представители впервые в нашей стране продемонстрировали ранее перечисленные новые тенденции в функционировании и развитии института брака. То, что при этом развод «помолодел», но рост уровня разводимости прекратился, свидетельствует о стабилизации брака как социального института и отсутствии дальнейших тенденций его разрушения.

В целом же анализ рассмотренных выше и целого ряда сопутствующих статистических данных позволяет сделать вывод о том, что колебания уровней брачности и разводимости за последние 50 лет в нашей стране были вызваны в основном структурными факторами, но никак не изменениями в практиках брачного поведения, то есть при неизменной половозрастной структуре населения эти колебания были бы значительно менее выраженными либо отсутствовали вообще. Это означает, что институт брака в России с середины 1960-х годов функционирует стабильно, а его состояние практически не имеет тенденции ни к ухудшению, ни к улучшению.

Массовый анкетный опрос. Данный вывод подтверждается и результатами проведенного нами социологического опроса представителей разных поколений. В частности, опрос показал, что у респондентов разного возраста (от 18 до 60 лет) практически идентичны их базовые брачно-семейные установки. Даже нынешнее поколение 18-23-летних в своем отношении к традиционному браку и семье принципиально ничем не отличается от трех предыдущих обследованных нами поколений. В ходе анкетирования респондентам были предложены следующие основные блоки вопросов:

- отношение к официально не зарегистрированному браку, к сожительству;
- оптимальные возрасты вступления в брак, продолжительность предбрачного знакомства;
- факторы стабильности брака;
- представления об идеальном браке и семье;
- отношение к разводу;
- отношение к повторным бракам, постбрачные установки и поведение;
- отношение к внебрачной рождаемости;
- установки на откладывание или полный отказ от рождения детей;
- индексы «предпочитаемых» чисел детей;
- отношение к альтернативным, нетрадиционным бракам, в том числе однополым;

- социально-демографический блок вопросов, в том числе нынешний брачно-семейный статус респондентов.

Численные значения подавляющего большинства использованных нами в анкете эмпирических индикаторов состояния институтов брака и семьи не имеют статистически значимой корреляции с возрастом респондентов. При этом такая корреляция (или иные виды статистической зависимости) была выявлена с другими социально-демографическими признаками опрошенных, такими, как пол, уровни дохода и образования, тип населенного пункта (село/город), а также религиозная принадлежность. В таблице 1 представлено наиболее типичное распределение значений брачно-семейных установок по четырем опрошенным нами поколениям.

Таблица 1

Средние арифметические значения субъективных оценок оптимального возраста вступления в первый брак, согласно мнению представителей разных поколений (лет)

Для какого пола	Опрошенные поколения			
	18-23 года	25-30 лет	35-45 лет	50-60 лет
Для мужчин	25,70	26,46	26,75	26,30
Для женщин	22,97	23,07	23,10	22,78

Из данных таблицы 1 следует, что в брачно-семейных установках поколения 18-23-летних не наблюдается тенденции к увеличению возраста вступления в первый брак, причем как для мужчин, так и для женщин. На протяжении четырех обследованных нами поколений мнение относительно возраста, в котором лучше всего вступать в первый брак, в нашей стране остается практически неизменным и, что самое главное, этот возраст можно охарактеризовать как достаточно низкий: 23 года для женщин и примерно 26 лет для мужчин. Это указывает на преобладание среди обследованных групп населения именно традиционных брачно-семейных ценностей, значимость которых не ослабевает у молодых поколений. Важно отметить, что такое распределение мнений по поколениям является типичным: ответы респондентов на большинство содержательных вопросов анкеты никак или почти никак не связаны с принадлежностью к определенной возрастной группе.

Единственным элементом брачно-семейных установок, значения индикаторов которого

продемонстрировали статистически значимую корреляцию с возрастом, является отношение к официально не зарегистрированному браку, то есть к сожительству. Вот здесь уже по мере продвижения от наиболее старших возрастов к самым молодым (из обследованных) наблюдается достаточно четкая тенденция нарастания одобрения такой формы близких отношений, как незарегистрированный супружеский союз. Распределение ответов на один из вопросов, измеряющих степень такого одобрения, представлено в таблице 2.

Таблица 2

Ответы на вопрос «Как лично Вы относитесь к совместному проживанию с партнером без юридической регистрации брака?» (в процентах)

Варианты ответа	Опрошенные поколения			
	18-23 года	25-30 лет	35-45 лет	50-60 лет
1. Положительно	26,14	26,91	18,64	14,16
2. Скорее положительно, чем отрицательно	20,99	25,82	24,21	16,15
3. Нейтрально	30,50	28,01	31,96	30,59
4. Скорее отрицательно, чем положительно	11,09	11,16	13,08	22,10
5. Отрицательно	9,50	7,66	9,69	14,16

Приведенный пример также по-своему типичен. На все остальные вопросы, касающиеся отношения респондентов к достаточно распространенной сейчас практике соительства, были получены аналогичные распределения ответов: различия между крайними (по возрасту) поколениями не принципиальные, но статистически значимые. При этом еще раз отметим, что по всем другим эмпирическим индикаторам брачно-семейных установок (факторы стабильности брака, отношение к разводу, к повторным бракам, индексы «предпочитаемых» чисел детей и т. д.) подобных межпоколенных различий обнаружено не было. Но даже и в отношении респондентов к сожительству, в том числе согласно данным таблицы 2, обращает на себя внимание тот факт, что нарастание степени одобрения подобной брачной практики наблюдается на протяжении только трех из обследованных нами поколений (50-60-, 35-45- и 25-30-летних), тогда как у 18-23-летних уровень такого одобрения по сравнению с 25-30-летними уже не растет, а напротив, немного падает. Это, скорее всего, говорит о том, что выявленная негативная тенденция, достигнув максимума, далее уже не получает своего разви-

тия, а если так, то дальнейшего распространения практики нерегистрируемых сожительств среди молодых пар в нашей стране не ожидается, хотя для того, чтобы утверждать это наверняка, требуются дальнейшие исследования, в том числе с применением более тонких методов, нежели массовые анкетные опросы.

Глубинные интервью. Одним из таких методов как раз и являются упомянутые ранее глубинные интервью, которые были проведены нами с представителями двух молодых поколений, в том числе для выявления таких мотивов соительства без юридической регистрации брака, которые «не видит» анкетный опрос. Среди всех других результатов проведенных интервью был получен и один парадоксальный на первый взгляд вывод: устойчивость отношениям соительства придает именно наличие брачно-семейных ценностей. Здесь имеется в виду то, что являясь по форме похожим на официальный брак, соительство с течением времени неизбежно делает значимыми для поколения современной российской молодежи и содержательные, институциональные основы традиционного брака (общий бюджет, знакомство с родителями, рождение ребенка и т. д.). «...Мы уже не просто пара, мы почти семья...», - такое мнение можно было услышать в интервью достаточно часто, правда отметим, что в основном - от информантов женского пола, которые в большей степени склонны описывать свои отношения в таких терминах, как «практически семья», «неофициальная семья», «будущая семья» и т. п., тогда как мужчины определяют такие же отношения чаще как «парень и девушка» или «серьезные отношения», не употребляя обычно слов «брак» или «семья», что подтверждается и данными переписей населения, согласно которым «замужних» женщин больше, чем «женатых» мужчин [20, с. 183-187].

Важно и то, что современный брак часто лишен какой-то излишне эмоциональной, романтической окраски и имеет многочисленные проявления очень серьезного и рационального отношения к нему. Например, в качестве необходимого условия для официальной регистрации брака обычно указывается наличие собственного жилья, финансовой самостоятельности, стабильного и (желательно) высокого заработка. Демонстрируя повышенную ответственность в отношении к браку, пары, состоящие в сожительстве, выступают, как это опять же ни парадоксально, еще более традици-

онными в этом вопросе, чем их родители или даже бабушки/дедушки. Современный официальный брак превращается, помимо всего прочего, еще и в «контракт», регулирующий имущественные отношения. В отличие от режима сожительства, который предполагает «легкое» расставание, брак имеет институциональную основу прекращения действия имущественных отношений.

Следовательно, избегание или откладывание юридического оформления супружеских отношений, широкая распространенность фактического брака, распределение ролей в отношениях сожительства, близкое к традиционному семейному – все это говорит о сверхответственном подходе к созданию семьи, а также опасениях пережить развод в будущем, которые нередко связаны с опытом развода в родительской семье. В этой связи интерпретация распространения практики сожительства как однозначного признака кризиса институтов семьи и брака в нашей стране не вполне корректна. Перечисленные в начале статьи новые формы брачного поведения современной российской молодежи действительно уже становятся привычными, но при этом не являются следствием девальвации традиционных брачно-семейных ценностей.

* *
*

Таким образом, на основании результатов трех различных методов получения научной информации (анализа данных официальной статистики, массового анкетного опроса и глубоких интервью) можно сделать однозначный вывод о том, что наблюдаемые в настоящее время отдельные негативные тенденции в развитии института брака в современной России являются временными и обусловленными внешними факторами. Они носят поверхностный характер и не свидетельствуют о качественных, глубинных негативных преобразованиях в системе брачно-семейных отношений и, тем более, о деинституционализации традиционного брака в нашей стране. У совершенно разных поколений (от молодежи до пенсионеров) не выявлено по сравнению друг с другом никаких специфических особенностей в характере, направленности и интенсивности брачно-семейных установок, типичных норм и образцов брачного поведения, а значимость брака и семьи для жителей нашей страны за последние 50 лет не снижается. Нельзя сделать вывод и о девальвации юридически за-

регистрированного брака среди молодых поколений. Базовой ценностью по-прежнему является полная семья, основанная на официально зарегистрированном супружеском союзе. Это означает, что в современной России наблюдается лишь ослабление функции социального контроля со стороны других институтов общества в сфере брака и семьи, а сам институт брака в нашей стране последние полвека функционирует стабильно, практически не эволюционируя ни в худшую, ни в лучшую сторону. Это позволяет сделать достаточно благоприятный прогноз ближайших и среднесрочных перспектив развития института брака в России.

Литература

1. **Андреев Е.М., Харькова Т.Л.** Сравнительный анализ данных из разных источников о числе рожденных детей // Вопросы статистики. 2013. № 5. С. 39-46.
2. **Антонов А.И.** Возродить семейную жизнь // Социологические исследования. 1992. № 10. С. 96-100.
3. **Антонов А.И.** Демографическое будущее России: депопуляция навсегда? // Социологические исследования. 1999. № 3. С. 80-87.
4. **Антонов А.И.** Депопуляция и кризис семьи в постсоветской России: кто виноват и что делать? // Вестник Московского Университета. Серия 18, Социология и политология. 1995. № 2. С. 75-84.
5. **Антонов А.И.** Современные демографические тенденции и аналитические прогнозы, проблемы семейно-демографической политики в социальном государстве // Вестник Московского Университета. Серия 18, Социология и политология. 2010. № 4. С. 134-150.
6. **Антонов А.И.** Стратегия фамилистических исследований и политики «семейной приватизации» // Семья в России. 1995. № 1-2. С. 29-51.
7. **Архангельский В.Н.** К вопросу о семейной политике и социальной поддержке семей в Российской Федерации // Семья в России. 1994. № 1. С. 112-130.
8. **Архангельский В.Н.** Репродуктивное и брачное поведение // Социологические исследования. 2013. № 2. С. 129-136.
9. **Архангельский В.Н.** Система показателей для анализа демографической ситуации // Семья в России. 1996. № 1. С. 36-52.
10. **Вовк Е.Е.** Практика сожительства в России: распространенность, смыслы, интерпретации // Социальная реальность. 2006. № 4. С. 46-60.
11. Волгоградская область в цифрах 2013: краткий стат. сб. / Волгоградстат. - Волгоград, 2014. - 376 с.
12. **Гольцова Е.В., Лещенко Я.А.** Факторы социальной среды как детерминанты брачности и рожда-

емости // Социологические исследования. 2010. № 2. С. 125-130.

13. **Гурко Т.А.** Репродуктивные планы супругов и влияющие на них факторы // Социологические исследования. 2014. № 9. С. 77-85.

14. Демографический ежегодник России. 2002: Стат. сб. / Госкомстат России. - М., 2002. - 397 с.

15. Демографический ежегодник России. 2013: Стат. сб. / Росстат. - М., 2013. - 543 с.

16. **Кучмаева О.В., Марыганова Е.А., Петрякова О.Л., Синельников А.Б.** О современной семье и ее воспитательном потенциале // Социологические исследования. 2010. № 7. С. 49-55.

17. **Лифшиц М.Л.** Возрастно-половая структура населения России: сравнение данных текущего учета и переписей населения // Вопросы статистики. 2012. № 11. С. 44-49.

18. Население России 2009. Семнадцатый ежегодный демографический доклад / отв. ред. А.Г. Вишневский. - М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2011. - 334 с.

19. **Новоселова Е.Н.** Однополый «брак» - тупиковая ветвь эволюции семьи и общества // Вестник Московского Университета. Серия 18, Социология и политология. 2013. № 4. С. 85-103.

20. Общественное мнение - 2010 / Ежегодник. - М.: Левада-Центр, 2011. - 268 с.

21. Регионы России. Социально-экономические показатели 2013: Стат. сб. / Росстат. - М., 2013. - 990 с.

22. Россия в цифрах 2014: Крат. стат. сб. / Росстат. - М., 2014. - 558 с.

23. **Русанова Н.Е.** Вспомогательные репродуктивные технологии в России: история, проблемы, демографические перспективы // Журнал исследований социальной политики. 2013. Т. 11. № 1. С. 69-86.

24. **Синельников А.Б.** Новые тенденции структурных изменений семьи // Семья в России. 1996. № 2. С. 17-29.

25. **Синельников А.Б.** Проблема прочности многолетних семей (результаты Всероссийского исследования многолетних матерей) // Фамилистические исследования. Том 2. Миллион мнений о семье и о себе: сборник / Отв. ред. А.И. Антонов. - М., 2009. С. 339-350.

26. **Синельников А.Б.** Социально одобряемые причины развода в прошлом и настоящем // Социологические исследования. 1992. № 2. С. 27-38.

27. **Чурилова Е.В., Чумарина В.Ж.** Внебрачные рождения и добрачные зачатия в России: осознанное решение родителей? // Вопросы статистики. 2014. № 7. С. 43-49.

THE CRISIS OF MARRIAGE INSTITUTIONS IN MODERN RUSSIA: REALITY OR FICTION?*

Georgiy Antonov

Author affiliation: Volgograd State University (Volgograd, Russia). E-mail: antonovgv@mail.ru.

Elena Laktukhina

Author affiliation: Volgograd State University (Volgograd, Russia). E-mail: Laktuchina@mail.ru.

Some results of the latest trends study in the field of marriage and family in modern Russia are presented in this article. These are the following trends: spread of unregistered cohabitation, rise of the age at the first marriage, increase in the share of early divorces, general marriage instability in young families. These trends are demonstrated by the youngest active cohort of marriageable age in our country, which includes 25-30-year-olds or rather a generation of the last Soviet «baby boom».

Therefore, there is a question of whether these trends are a sign of the destruction of the traditional marriage institution in Russia or they are superficial, temporary and can only tell about the weakening of social control function in the field of marriage, family and other social institutions. In order to answer this question the authors considered the examples of several generations. They served as a base for examining (i) external indicators of marriage institution functioning in a society; (ii) social norms and the most widespread, typical practices in the sphere of marriage and family life; (iii) the underlying motives for specific forms of marital behavior.

The following methods for scientific information obtaining were used: the analysis of official statistics (primarily marriage and divorce rates), a massive questionnaire on representative data sample and in-depth interviews. As a result, a univocal conclusion was obtained that during the last 50 years the marriage institute in our country hasn't undergone any fundamental changes. A lifelong marriage with one or more children is a basic and one of the most significant values for all demographically active generations. At the same time, most of the registered negative phenomena in this field are caused by external social factors, which should be subject to a further in-depth study.

Keywords: marriage institution, marriage and family attitudes, matrimonial behavior, marriage and divorce rates, applied sociology.

JEL: J12, J13.

* The research was carried out with the financial support from the Russian Foundation for Humanities and the Executive Office of the Volgograd region within the framework of the scientific research project 14-13-34002 a(r) entitled «Latest trends in the development of the institution of marriage in modern Russia».

References

1. **Andreev E.M., Har'kova T.L.** Sravnitel'nyy analiz dannyh iz raznyh istochnikov o chisle rozhdennyh detey [Comparative analysis of data from different sources on the number of children ever born]. *Voprosy statistiki*, 2013, no. 5, pp. 39-46. (In Russ.).
2. **Antonov A.I.** Vozrodit' semejnuju zhizn' [Reviving a marriage]. *Sociological studies*, 1992, no. 10, pp. 96-100. (In Russ.).
3. **Antonov A.I.** Demograficheskoe budushhee Rossii: depopulyaciya navsegda? [A demographic future of Russia: is depopulation forever?]. *Sociological studies*, 1999, no. 3, pp. 80-87. (In Russ.).
4. **Antonov A.I.** Depopuljacija i krizis sem'i v postsovetsoj Rossii: kto vinovat i chto delat'? [Depopulation and family crisis in post-Soviet Russia: who is to blame and what should we do?]. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Serija 18. Sociologija i politologija*, 1995, no. 2, pp. 75-84. (In Russ.).
5. **Antonov A.I.** Sovremennye demograficheskie tendencii i analiticheskie prognozy, problemy semejno-demograficheskoj politiki v social'nom gosudarstve [Current demographic trends and analytical forecasts, problems of family-demographic policy in a social state]. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Serija 18, Sociologija i politologija*, 2010, no. 4, pp. 134-150. (In Russ.).
6. **Antonov A.I.** Strategija familisticheskikh issledovanij i politiki «semejnoj privatizacii» [Strategy of familistic studies and «family privatization» policy]. *Sem'ja v Rossii*, 1995, no. 1-2, pp. 29-51. (In Russ.).
7. **Arhangel'skij V.N.** K voprosu o semejnoj politike i social'noj podderzhke semej v Rossijskoj Federacii [Regarding the issue of family policy and social support for families in the Russian Federation]. *Sem'ja v Rossii*, 1994, no. 1, pp. 112-130. (In Russ.).
8. **Arhangel'skij V.N.** Reproduktivnoe i brachnoe povedenie [Reproductive and marital behavior], *Sociological studies*, 2013, no. 2, pp. 129-136. (In Russ.).
9. **Arhangel'skij V.N.** Sistema pokazatelej dlja analiza demograficheskoj situacii [The system of indicators for the analysis of the demographic situation] *Sem'ja v Rossii*, 1996, no. 1, pp. 36-52. (In Russ.).
10. **Vovk E.E.** Praktika sozhitel'stv v Rossii: rasprostranennost', smysly, interpretacii [The practice of cohabitation in Russia: prevalence, meanings, interpretations]. *Social'naja real'nost'*, 2006, no. 4, pp. 46-60. (In Russ.).
11. Volgogradskaja oblast' v cifrah 2013: kratkij stat. sb. [Volograd Region in Figures 2013: a brief statistical compilation]. Volgograd: Volgogradstat, 2014. 376 p. (In Russ.).
12. **Gol'cova E.V., Leshhenko Ja.A.** Faktory social'noj sredy kak determinanty brachnosti i rozhdaemosti [Factors of the social environment as determinants of marriage and birth rates]. *Sociological studies*, 2010, no. 2, pp. 125-130. (In Russ.).
13. **Gurko T.A.** Reproduktivnye plany suprugov i vlijajushhie na nih factory [Reproductive plans for spouses and factors influencing them]. *Sociological studies*, 2014, no. 9, pp. 77-85. (In Russ.).
14. Demograficheskij ezhegodnik Rossii. 2002: Stat. sb. [Demographic Yearbook of Russia. 2002: Statistical compilation]. Moscow, Goskomstat of Russia Publ., 2002. 397 p. (In Russ.).
15. Demograficheskij ezhegodnik Rossii. 2013: Stat. sb. [Demographic Yearbook of Russia. 2013: Statistical compilation]. Moscow, Rosstat Publ., 2013. 543 p. (In Russ.).
16. **Kuchmaeva O.V., Maryganova E.A., Petrakova O.L., Sinel'nikov A.B.** O sovremennoj sem'e i ee vospitatel'nom potenciale [About the modern family and its potential]. *Sociological studies*, 2010, no. 7, pp. 49-55. (In Russ.).
17. **Lifshic M.L.** Vozrastno-polovaja struktura naselenija Rossii: sravnenie dannyh tekushhego ucheta i perepisej naselenija [The age and sex structure of Russian population: a comparison of the current account data and the census]. *Voprosy statistiki*, 2012, no. 11, pp. 44-49. (In Russ.).
18. Ed. by **A.G. Vishnevsky.** Naselenie Rossii 2009. Semnadcatyj ezhegodnyj demograficheskij doklad [Russia's population in 2009. The seventeenth annual demographic report]. Moscow, Publishing House of the Higher School of Economics, 2011. 334 p. (In Russ.).

19. **Novoselova E.N.** Odnopolyj «brak» - tupikovaja vet' jevoljucii sem'i i obshhestva [Homosexual «marriage» is a deadlock branch of family and society evolution]. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Serija 18, Sociologija i politologija*, 2013, no 4, pp. 85-103. (In Russ.).
20. Obshhestvennoe mnenie - 2010. *Ezhegodnik* [Public Opinion - 2010. Yearbook]. Moscow, Levada Center Publ., 2011. 268 p. (In Russ.).
21. Regiony Rossii. Social'no-jekonomicheskie pokazateli 2013: Stat. sb. [Regions of Russia. Social and economic indicators for 2013: Statistical compilation]. Moscow, Rosstat Publ., 2013. 990 p. (In Russ.).
22. Rossija v cifrah 2014: Krat. stat. sb. [Russia in Figures 2014: A brief statistical compilation]. Moscow, Rosstat Publ., 2014. 558 p. (In Russ.).
23. **Rusanova N.E.** Vspomogatel'nye reproduktivnye tehnologii v Rossii: istorija, problemy, demograficheskie perspektivy [Assisting reproductive technologies in Russia: history, problems and demographic prospects]. *The journal of social policy studies*, 2013, vol. 11, no. 1, pp. 69-86. (In Russ.).
24. **Sinel'nikov A.B.** Novye tendencii strukturnyh izmenenij sem'i [New trends of structural family changes]. *Sem'ja v Rossii*, 1996, no. 2, pp. 17-29. (In Russ.).
25. **Sinel'nikov A.B.** Problema prochnosti mnogodetnyh semej (rezul'taty Vserossijskogo issledovanija mnogodetnyh materej) [Large families strength problem (the results of the All-Russian mothers with many children research)]. *Familisticheskie issledovanija. Tom 2. Million mnenij o sem'e i o sebe: sbornik / Otv. red. A.I. Antonov* [Familistic research. Vol. 2. A million views about family and about themselves: the collection. Ed. by A.I. Antonov]. Moscow, 2009, pp. 339-350. (In Russ.).
26. **Sinel'nikov A.B.** Social'no odobryaemye prichiny razvoda v proshlom i nastojashhem [Socially acceptable reasons for divorce in the past and present]. *Sociological Studies*, 1992, no 2, pp. 27-38. (In Russ.).
27. **Churilova E.V., Chumarina V.Zh.** Vnebrachnye rozhdenija i dobrachnye zachatija v Rossii: osoznanное reshение roditel'ej? [Extramarital births and premarital conceptions in Russia: a conscious decision of parents?]. *Voprosy statistiki*, 2014, no. 7, pp. 43-49. (In Russ.).

ПОДПИСКА - 2015

Продолжается подписка на журнал «Вопросы статистики» на 2-е полугодие 2015 г., которую можно оформить во всех отделениях почтовой связи ФГУП «Почта России» и в альтернативных предприятиях России, стран СНГ и Балтии по каталогу агентства Роспечать «Газеты. Журналы» (подписные индексы 70127, 71807) или по объединенному каталогу «Пресса России» (подписной индекс Т71807), а также через АНО ИИЦ «Статистика России».

С 2003 г. выпускается электронная версия журнала. Вы можете оформить годовую подписку на электронную версию журнала или заказать отдельные номера, отправив на адрес редакции письмо-заявку.

Контактный телефон: **+7 (495) 607 42 52**

E-mail: **shop@infostat.ru**

Сайт: **http://www.infostat.ru**

Адрес редакции: **107450 Москва, ул. Мясницкая, 39, стр. 1.**